

ентированные на экономический или социальный эффект, не воспринимаются как значимые для человека, требующие осмысления, принятия и руководства к действию для каждого участника образовательного процесса.

Примечания

- 1 См.: О введении в действие государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования : приказ Министерства образования РФ от 16.05.2002 г. № 1799 // *Официальные документы в образовании*. 2002. № 22.
- 2 См.: *Иваненко И. А.* Подготовка специалистов в условиях социального заказа в формате социального партнерства // *Университетское управление*. 2011. № 1. С. 53
- 3 См.: *Блинов В.* Выпускник прикладного бакалавриата – мечта работодателя. URL: http://www.vashidengi.info/news/chto_takoe_prikladnoj_bakalavriat/2012-01-06-4399 (дата обращения: 19.12.2013).
- 4 См.: О проведении эксперимента по созданию прикладного бакалавриата в образовательных учреждениях среднего профессионального и высшего профессионального образования : постановление Правительства РФ от 19.08.2009 г. № 667 // *Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти*. 2010. № 1.
- 5 См.: *Стратегия-2020* : Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. URL: <http://2020strategy.ru/2020> (дата обращения: 19.12.2013).
- 6 *Мау В.* Человеческий капитал : вызовы для России // *Вопр. экономики*. 2012. № 7. С. 121.
- 7 Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. URL: <http://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/> (дата обращения: 19.12.2013).

- 8 См.: Европейский фонд образования. URL: http://www.minedu.fi/vet2006/Copenhagen_process.html?lang=en (дата обращения: 23.04.2012) ; *Пакишина Н. А., Пакишин П. В.* Технические колледжи : опыт Японии // *Профессиональное образование*. Столица. 2012. № 8. С. 44–45.
- 9 См.: *Оситов П. Н.* Студент средней профессиональной школы // *Социс*. 1998. № 11. С. 103 ; *Константиновский Д. Л.* Молодежь 90-х : самоопределение в новой реальности. Профессиональные ориентации российских старшеклассников 90-х годов : планы и их реализация. М. : Центр социологии образования РАО, 2000. С. 187–188 ; *Ключарев Г. А.* Человеческий капитал и проблема неравенства в модернизирующемся образовании // *Вестн. Ин-та социологии*. 2011. № 3. С. 92.
- 10 См.: *Константиновский Д. Л.* Неравенство и образование : опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М. : ЦСП, 2008.
- 11 См.: *Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Молодежь России : социологический портрет : 2-е изд., доп. и испр. М. : Ин-т социологии РАН, 2010.
- 12 *Кочетов А. Н.* Профессиональное образование и рынок труда : проблемы взаимодействия // *Социс*. 2011. № 5. С. 89.
- 13 *Башарова С., Колесниченко А.* Образование не работает // *Новые известия*. 27.06.2012. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0517/gazeta044.php> (дата обращения: 19.12.2013).
- 14 См.: Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Изучение объективных и субъективных противоречий в процессе управления инновациями в системе высшего и среднего профессионального образования в регионах Российской Федерации». URL: http://sokrat.region48.ru/menu_projects/files/sokrat2009.pdf (дата обращения: 19.12.2013).

УДК 316.613

АЗИАТСКИЕ СВЯЗИ ЯПОНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Ю. В. Ставропольский

Энгельский технологический институт (филиал) Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А.
E-mail: StJulius@yandex.ru

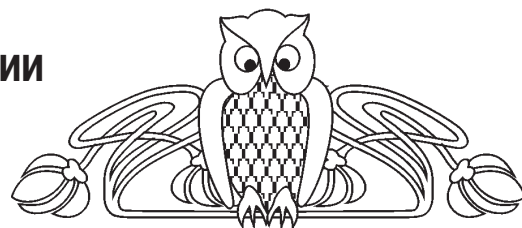
В статье рассматриваются основные причины, по которым японская социология не поддерживает значимых плодотворных связей с азиатскими социологами и не ведёт исследований, направленных на Азию.

Ключевые слова: социология, японский, исследования, общество, азиатский, группа.

Asian Connections of the Japanese Sociology

Yu. V. Stavropolsky

This feature deals with the main reasons due to which the Japanese sociology does not maintain any significant fruitful connections to the Asian sociologists and carries out no research targeting at Asia.

Key words: sociology, Japanese, research, society, Asian, group.

В 2010 г. в издательстве Токийского университета увидела свет монография профессора японского Азиатского университета Т. Окуи (Okui) под названием «История социологии» (Shakaigaku no Rekishi). В рецензиях на эту монографию подчеркивалось, что она представляет собой «стабильное учебное пособие по социологической истории», а также «добротное введение в социологию». Книга профессора Т. Окуи составлена из двенадцати глав, посвященных за-

падным социологам О. Конту, К. Марксу, Ф. Энгельсу, З. Фрейду, Г. Зиммелю, Э. Дюркгейму, М. Веберу, Т. Парсонсу, Р. Мертону, А. Шютцу, Г. Гарфинкелю, И. Гофману, Ю. Хабермасу, Н. Луману, М. Фуко, П. Бурдьё, З. Бауману и японским социологам Я. Такада (Takada), Э. Судзуки (Suzuki), И. Симидзу (Shimizu).

Подобное комбинирование европейских классиков и современных европейских и американских социологов с некоторыми из японских социологов весьма характерно для ортодоксальных учебных пособий по истории социологии, издаваемых в Японии¹. Никакие азиатские социологи, за исключением японских, в учебных пособиях подобного рода не упоминаются никогда.

Известны крупномасштабные исследования по истории японской социологии², но ни в одном из них японские социологи не рассматривают Азию. Очевидно, что японская социология не поддерживает значимых плодотворных связей с азиатскими социологами и не ведёт исследований, направленных на Азию. Возникает вопрос: неужели за свою более чем 130-летнюю историю японская социология не установила в Азии никаких научных контактов? Чтобы ответить на этот вопрос, мы предпримем краткий обзор развития японской социологии в азиатском ракурсе.

История японской социологии началась в 80-х гг. XIX в. В ту эпоху основные интеллектуальные усилия направлялись на ознакомление с западными социологическими теориями и на их усвоение. Характерны названия японских социологических трудов того времени: «Общая социология» (Futsu Shakaigaku) либо «Формальная социология» (Keishiki Shakaigaku). Эмпирические социологические исследования в Японии начались в 20-е гг. XX в., с отставанием почти в полстолетия. Первыми японскими учеными, организовавшими полевые социологические исследования, были Т. Тода (Toda) и Э. Судзуки (Suzuki).

Т. Тода (1887–1955), выходец из семьи преподавателей социологического отделения Токийского императорского университета, был директором Института восточной культуры (ныне Институт перспективных азиатских исследований) послевоенного Токийского университета. Э. Судзуки (1894–1966) был известным социологом города и села, преподавал в Императорском университете Кэйдзо и в университете Хоккайдо. В своей научной деятельности Т. Тода и Э. Судзуки не просто придерживались эмпирической ориентации, но пытались «локализовать социологию». В своих исследованиях они исходили из представления о том, что западные теоретические концепции не поддаются прямому переносу в японскую реальность.

Известный специалист по истории социологических теорий в Японии Н. Кавамура (Kawamura) утверждает, что труды Т. Тоды и

Э. Судзуки отражают их намерение создать самобытную японскую социологию, изучающую повседневную жизнь японцев, не вдаваясь в умозрительные рассуждения о принципах и методах социологии в развитых странах³. Подобное намерение, безусловно, способствовало раскрытию самобытных особенностей японского общества.

Фактически почти все открытия, связанные с японским обществом, оказались совершены между началом двадцатых и концом сороковых годов XX в. Раскрытию самобытности японского общества и его концептуализации способствовало не только скептическое, во многом негативное отношение японских социологов к «универсальности» западных теоретических концепций в социологии, но также эмпирические исследования Азии, нацеленные на выявление самобытного характера японского общества через сравнение с другими азиатскими странами.

В конце 1930-х – в начале 1940-х гг. немало японских социологов проводили эмпирические исследования сельской жизни и семьи в Корее и Китае, что было обусловлено экспансией японского милитаризма. В этой связи показательны исследования, которые осуществили М. Симидзу (Shimizu) «Исследование китайского общества» (Shina Shakai no Kenkyu) в 1939 г. и «Структура китайской семьи» (Shina Kazoku no Kozo) в 1942 г., Ю. Окада (Okada) «Семья в примитивном обществе» (Mikai Shakai niokeru Kazoku) в 1942 г., Т. Макино (Makino) «Исследование китайской семьи» (Shina Kazoku Kenkyu) в 1944 г. В этих монографиях отсутствуют оригинальные эмпирические данные и рассмотрение японского общества в сравнительной перспективе, однако они углубили понимание японского общества и содействовали дальнейшему развитию японской социологии.

М. Симидзу (1904–1999) был сотрудником научного подразделения Южно-Маньчжурской железнодородной компании, преподавал в университетах Киото, Квансэй Гакуин и Комадзава. Опубликовал монографии «Трактаты о клановой собственности в Китае» (Chugoku Zokusan Seido-ko, 1949), «Семья» (Kazoku, 1953), «Общая теория социальных групп» (Shudan no Ippan Riron, 1973). Ю. Окада (1906–1969), социолог и социальный антрополог, двенадцать лет прожил на острове Тайвань, изучал коренное население острова. Он автор монографии «Исследование племени Ли на острове Хайнань» (Kainanto Reizoku no Kenkyu, 1944); внёс вклад в развитие социологии семьи. Т. Макино (1905–1974) – социолог, китаист; преподавал в университетах Токио, Осака, Васэда. В 1975 г. вышло в свет Собрание сочинений Т. Макино в семи томах.

В 1940 г. Э. Судзуки опубликовал монографию «Принципы японской социологии села» (Nihon Noson Shakaigaku Genri), ставшую классическим трудом в японской социологии. Спустя

два года он отправился на Корейский полуостров и весной 1942 г. вступил в должность заведующего социологическим отделением Императорского университета Кэйдзо. Причины, по которым профессор Э. Судзуки согласился принять должность в Кэйдзо (так назывался тогда Сеул), неведомы, однако, по-видимому, он отправился, движимый сильным интересом к сравнительному исследованию японских и корейских сёл, на что указывает его желание найти в корейских сёлах хороший исследовательский материал. С самого начала своих исследований в Корее Э. Судзуки искал ответ на вопрос: «Что является эквивалентом японского самобытного села?», обращая особое внимание на социальную целостность (*shakaiteki-toitsusei*) – оригинальное понятие, предложенное Э. Судзуки, на которое его вдохновила полемика между П. А. Сорокиным и Е. D. Sanderson в США.

В течение почти двухлетнего пребывания в Корее, вплоть до переезда на остров Хоккайдо, Э. Судзуки неоднократно предпринимал полевые исследования, по итогам которых была опубликована серия статей: «Записка о беглом взгляде на корейское сельское общество» (*Chosen Noson Shakai Bekkenki*, 1943), «Полевые заметки о корейском сельском обществе» (*Chosen Noson Shakai Chosaki*, 1944), «Сёла в Корее» (*Chosen no Sonraku*, 1944). Можно без преувеличения назвать выдающимися такие публикации Э. Суд-

зуки, как «О социальных группах корейского сельского общества» (*Noson Shakai Shudan ni tsuite*, 1943), «О корейских феноменах “Gye” и “Pumasshi”» (*Chosen no Gye to Pumasshi*, 1958). В статье «О социальных группах корейского сельского общества» Э. Судзуки подвергает сравнению десять социальных групп, о которых шла речь в монографии «Принципы японской социологии села» (табл. 1⁴).

Автор был доволен публикацией, поскольку отмечал, что этой статьёй он сумел завершить свой систематический анализ корейского села⁵. Нетрудно предположить, что Э. Судзуки желал проверить применимость концепций, выработанных в Японии, к исследованию корейского села, а полевые исследования предполагали сравнение японских и корейских сёл. Безусловно, большинство выводов, сформулированных в статье «О социальных группах корейского сельского общества», имеют предположительный характер и в настоящее время на фоне множества монографий корейских авторов представляются по меньшей мере сомнительными.

После своего переезда на остров Хоккайдо Э. Судзуки прекратил заниматься корейскими исследованиями и сравнительным изучением азиатских сёл, а обратился к построению оригинальной социологии города и национального государства, стремясь постичь сущность уникальности японского общества. Однако не следу-

Таблица 1

Сравнительный анализ сельских социальных групп в Корее и Японии, по Э. Судзуки

Критерий сравнения	Характеристика
Административные группы	Эквивалентом самобытной деревни в Японии (<i>shizen-son</i>) в Корее в конце династии Чосон была самая мелкая административная единица (<i>dongli</i>). Обе характеризуются крепкой социальной сплочённостью. В Корее была сильнее социальная сплочённость на уровне округа (<i>gun</i>)
Культовые группы	Верховное божество в Японии (<i>ujigami</i>) обладало функцией государственной интеграции, в отличие от корейского верховного божества. В Японии божество (<i>kami</i>) выступает представителем верховного божества (<i>ujigami</i>), символизируя сплочённость самобытного села, тогда как в Корее это семейное (родовое) божество
Религиозные группы	Большинство сельских жителей в Японии исповедуют буддизм, в отличие от корейцев. В Корее отсутствует функциональный эквивалент японской группы верующих буддистов, являющихся постоянными прихожанами одного храма (<i>danto shudan</i>)
Группы взаимопомощи	В Корее (<i>gye</i>) они более многовариантны, в большей мере ориентированы на социальное обеспечение, а в меньшей мере – на религию и на увеселения, чем японские аналоги (<i>ko</i>)
Соседские группы	В японской национальной деревне наблюдается совокупная сплочённость социальных отношений между мелкими сообществами, в то время как ничего подобного не наблюдается в Корее, где самобытная деревня оказывается приблизительным аналогом соседских групп
Экономические группы и организации кооперации	Корейские экономические группы (<i>gye</i>) сильнее ориентированы на взаимопомощь и более рационализированы, по сравнению с японскими экономическими группами (<i>ko</i>). В Корее взаимопомощь среди сельских жителей (<i>pumasshi</i>) является более эпизодической и кратковременной, по сравнению с японским аналогом (<i>yui</i>)
Группы родства	Родственные группы в Корее широко распространены и носят более широкие социальные функции, чем в Японии. Размер семьи в Корее крупнее, чем в Японии
Группы особых интересов	Важными единицами местного самоуправления в Японии выступают группы обладателей прав на воду, в отличие от Кореи.
Самоуправляющиеся группы	В Корее моральная сплочённость зиждется на традиционных сельских нормах, в отличие от Японии
Бюрократические группы	Бюрократические группы в Корее слабее и менее результативны, чем в Японии

ет забывать о том, что исследовательская энергия и оригинальность мышления, проявленные Э. Судзуки в Корее, вдохновлялись решимостью создать самобытную японскую социальную теорию через сравнение Японии с другими азиатскими обществами и в конце концов прийти к пониманию своеобразия японского общества.

Т. Фукутакэ (Fukutake) (1917–1989) – социолог, всю свою жизнь преподававший в Токийском университете, автор монографий «Социальная структура японского села» (Nihon Sonraku no Shakai Kozo, 1959), «Структура японского общества» (Nihon Shakai no Kozo, 1981). Первый президент Японо-китайской социологической ассоциации.

Для Т. Фукутакэ Китай оказался местом, где он смог предаваться размышлениям о социологии. Иными словами, он был ещё слишком молод для того, чтобы применить свои теоретические концепции к китайскому обществу. Когда в 1940 г. Э. Судзуки уже выпустил монографию «Принципы японской социологии села», Т. Фукутакэ только начинал заниматься социологическими исследованиями. Ярким дебютом Т. Фукутакэ на социологическом поприще стала монография «Структура сельского общества в Китае» (Chugoku Noson Shakai no Kozo, 1946), в которой проанализированы самобытные особенности китайского села на материале собственного пятикратного полевого исследования, проводившегося в восточных провинциях Китая, с привлечением вторичных данных из Архива исследований традиций и институтов северного Китая (Hokushi Kanko Shiryo Chosa). Сравнение монографий Т. Фукутакэ и Э. Судзуки позволяет выявить некоторые характерные особенности.

Во-первых, основные понятия, употребляемые Т. Фукутакэ, в особенности в первой главе, озаглавленной «Структура сельского общества в восточном Китае» (Kachu Noson Shakai no Kozo), и композиция глав монографии сходны с монографией Э. Судзуки. Это свидетельствует о том, что исследование Т. Фукутакэ сильнейшим образом вдохновлялось ранними исследованиями Э. Судзуки по социологии села и что в сложившейся в то время атмосфере многие японские социологи стремились обмениваться собственными знаниями и концепциями. Иначе говоря, «локализация социологии» в ту эпоху стремительно прогрессировала.

Во-вторых, труд Т. Фукутакэ содержит большое количество ссылок на китайских учёных, тогда как Э. Судзуки в своих публикациях о корейском сельском обществе спокойно обходился без ссылок на корейских учёных. В этом отражается не только разная степень владения местными языками, но и различный объём накопленных данных о сельских обществах Китая и Кореи. Известно, что начиная с тридцатых годов XX в. Китай переживал собственную «локализацию социологии», благодаря которой стало возможно

большинство исследований Т. Фукутакэ о китайском сельском обществе.

В-третьих, Э. Судзуки пытался применить к Корее собственные концепции, выработанные при изучении японского сельского общества. Т. Фукутакэ, напротив, старался на основании выводов, сделанных в Китае, глубже понять японское общество. Действительно, в 1946 г. Т. Фукутакэ опубликовал статью под названием «Китайские сёла и японские сёла» (Chugoku no Noson to Nihon no Noson), в которой он характеризует японские сёла через сравнение их с китайскими (табл. 2⁶).

А. Такахаси (Takahashi), видный социолог села и студент Т. Фукутакэ в Токийском университете, свидетельствует, что «сэнсэй говорил о том, что японское село становилось для него понятнее через сравнение с китайским, и что он приходил в удивление, видя, насколько сёла в округе Тохоку отличаются от его родного села и от сёл в Китае»⁷.

Несмотря на сильный интерес к китайскому селу, после Второй мировой войны Т. Фукутакэ отошёл от этих исследований и посвятил себя изучению процессов демократизации в японском селе. Впоследствии, оглядываясь на свой сорокалетний научный путь, он сожалел об этом, но сильнее сожалела об этом японская социология⁸. Кроме того, продолжению своих исследований Т. Фукутакэ помешали такие политические обстоятельства, как отсутствие дипломатических отношений между Японией и КНР в период холодной войны и преследование социологии в КНР в период с 1953 по 1979 гг.

Осуществляя практическую «локализацию социологии», Э. Судзуки и Т. Фукутакэ, наблюдавшие японское сельское общество с зарубежной точки зрения, релятивизировали западные теоретические концепции и стимулировали развитие компаративных социологических исследований в Азии. К сожалению, у них не было другого шанса провести исследования вне Японии.

Некоторые ведущие азиатские социологи получили образование в Японии до Второй мировой войны. М. Ли (Lee) (1926–2010), представитель первого послевоенного поколения корейских социологов, профессор социологического факультета Сеульского национального университета, был выпускником социологического отделения Токийского императорского университета 1944 г. Он поддерживал тесные контакты с коллегами в Японии и публиковался в японских социологических журналах⁹.

С. Чен (Chen) (1906–1966), основоположник тайваньской социологии, профессор социологии Национального Тайваньского университета, был выпускником социологического отделения Императорского университета Тохоку 1932 г., получил докторскую степень в университете Кансай. С. Чен занимал маргинальное положение в тайваньской социологии, несмотря на свой вы-

Таблица 2

Сравнительный анализ сельских обществ Китая и Японии, по Т. Фукутаке

Критерий сравнения	Характеристика
Семья	
Состав семьи	В Китае больше не прямых родственников
Отцовская власть	В Японии власть отца сильнее
Домохозяйство	Китайская семья представляет собой явное домохозяйство
Наследование	В Японии принято, что единственным наследником является старший сын, в Китае наследство принято делить поровну между всеми сыновьями
Клан	
Отношения между главным и дочерними отделениями	В Китае количество домохозяйств делится поровну между главным и дочерними отделениями, в Японии – не поровну
Глава клана	В Японии глава основной семьи (honke) несёт ответственность за руководство кланом, в Китае за управление кланом отвечает старейший
Клановая собственность	В Японии клановой собственности не существует (большая часть собственности принадлежит главной семье). В Китае клановая собственность обширна
Принцип формирования	В Японии действует иерархический порядок между семьями, в Китае – между поколениями
Село	
Собственность деревни	В Японии собственность деревни обширна, в Китае – мала
Границы деревни	В Японии идентичность сельских жителей прочно привязана к общине, границы деревни чётко определены. В Китае идентичность сельских жителей прочно привязана к семье, границы деревни размыты
Деревенское святилище	В Японии клановое божество может быть общенародным, в Китае клановые божества и общенародные божества совершенно различны
Занятие сельским хозяйством	В Японии и в Китае сельское хозяйство мелкомасштабное, однако китайское сельское хозяйство менее производительное в пересчёте на площадь обрабатываемого надела
Отношения между землевладельцем и арендатором	В Китае отношения между землевладельцем и арендатором носят выраженно классовый характер и оформляются на контрактной основе. В Японии данные отношения обнуживают патерналистский характер
Самоуправление	В Китае слабее представлены отношения кооперации и слабо развито самоуправление

дающий вклад в организацию социологического факультета Национального Тайваньского университета, что можно объяснить тем, что он был коренным тайваньцем (benshengren) (отсюда сильный интерес к культурной истории Тайваня, и его преждевременной кончиной).

По данным монографии Б. Суна (Sun) «Современная китайская социология» (Dangdai Zhongguo Shehuixue, 1948), из 155 профессиональных социологов, служивших в китайских научных учреждениях в 1947 г., восемь получили образование в Японии, в том числе основоположник китайской социологии Б. Канг (Kang). Тем не менее в 1940-х гг. среди китайских социологов верховодили выпускники американских университетов. По данным той же монографии Б. Суна, в 1947 г. из 155 профессиональных социологов 73 человека получили социологическое образование в США.

Однако после войны личные связи были утрачены. Возникшие оригинальные корейская и тайваньская социологии попали под мощное влияние со стороны США. Многие профессиональные социологи Кореи и Тайваня получили образование и докторские степени в США. С другой стороны, в КНР социология в период

с 1953 по 1979 гг. была объявлена буржуазным учением и попала под запрет.

Несмотря ни на что, в Японии после войны быстро развивались азиатские исследования с применением идеографических подходов, пытавшиеся охватить азиатское многообразие. Институт развивающихся экономик, Центр юго-восточных азиатских исследований Киотского университета и Институт восточной культуры Токийского университета превратились в мекку для исследователей Азии, а Японская ассоциация азиатских исследований сыграла существенную роль в развитии исследований Азии в самой Японии. К сожалению, социологи играли в азиатских исследованиях маргинальную и ограниченную роль. В Институте развивающихся экономик почётном пользовалась политэкономия, поэтому выпускников социологических факультетов принимали неохотно. После того как Т. Тода вышел на пенсию, в штате Института восточной культуры Токийского университета полвека не было ни одного социолога. Японская ассоциация азиатских исследований по-японски называется Ассоциация политической экономии в Азии (Ajia Seikei Gakkai), что автоматически исключает такие дисциплины, как социология и

антропология, отводя им приниженное положение среди азиатских исследований.

В свою очередь, после окончания Второй мировой войны японская социология не уделяла Азии серьёзного внимания. Если взять в качестве примера выпускников социологического отделения Токийского университета, то мало кто из них обратился к азиатским исследованиям. Исключения составляли специалист по Индии Х. Ямагучи (Yamaguchi), специалист по Таиланду Х. Комаи (Komai), специалисты по Китаю М. Кагами (Kagami) и М. Хисида (Hishida). Из них одному Х. Комаи удалось устроиться по специальности на отделение социологии, остальные же служили научными сотрудниками в исследовательских институтах, занимавшихся азиатскими проблемами, что со всей очевидностью свидетельствует о маргинальном статусе азиатских исследований в японской социологии после Второй мировой войны.

В чём причина подобного разрыва между социологией и азиатскими исследованиями? Почему японские социологи, в отличие от своих великих предшественников Э. Судзуки и Т. Фукутакэ, утратили интерес к азиатским обществам? Резонно полагать, что на то имеются свои причины.

Прежде всего, до Второй мировой войны большинство японских социологов рассматривали социологические исследования в Азии в качестве сопутствующего дополнения к японскому милитаризму и колониализму, а потому постарались поскорее избавиться от одиозного исторического наследия. Как признался один из китаистов: «Я полагал, что изучение сельских районов Китая велось в интересах японской императорской армии, и был солидарен с левыми взглядами, считавшими подобные империалистические исследования бессмысленными и даже преступными»¹⁰. Поэтому вполне естественно, что японские социологи, в большинстве симпатизировавшие социализму и левому образу мышления, критически расценивали исследования в Азии, проведённые до окончания Второй мировой войны.

Во-вторых, японские социологи испытывали трудности в проведении полевых исследований в Азии, где царили антияпонские настроения, и во взаимодействии с азиатскими социологами, поскольку азиатские страны переживали «локализацию социологии». Подобно японским социологам в период сразу после завершения Второй мировой войны, азиатские социологи ориентировались на усвоение западных, в первую очередь американских, социологических теорий, поэтому на них нельзя было положиться при выборе надёжного партнёра для проведения полевого исследования.

В-третьих, большинство японских социологов не решались избрать для своей социологической карьеры изучение слаборазвитого общества. К. Томинага отмечает, что большинство социологических исследований за пределами за-

падного общества с точки зрения ортодоксального прозападного обществоведения подпадает под рубрику региональных исследований¹¹.

В-четвёртых, модернизация и социальное изменение Японии происходили столь стремительно, что интерес большинства японских социологов естественным образом обращался к внутренним делам. Когда социологи из азиатских стран сосредоточиваются на изучении локального общества, то это отнюдь не проявление интеллектуального национализма, но серьёзный научный поиск, вызванный динамичными социальными преобразованиями.

Последнее и самое важное заключается в том, что в большинстве своём японские социологи рассматривают Азию как нечто обособленное от Японии. Во времена Э. Судзуки и Т. Фукутакэ любое азиатское общество было развито слабее японского и характеризовалось многочисленным сельским населением. Поэтому естественным было в поисках того особенного, что невозможно в полной мере объяснить благодаря западной социологии, обращение к японскому селу в сравнении с азиатским. Однако по мере подъёма японской экономики молодое поколение японских социологов перестали интересоваться проблемами села, а заинтересовали проблемы города и национального общества. Уровень экономического развития Японии в период с 1950 по 1970 гг. вырос настолько сильно, что японские социологи, в отличие от антропологов и представителей политической экономии, утратили всякий интерес к другим азиатским регионам, которые по-прежнему оставались целиком аграрными. По всем этим причинам тесных связей между японской социологией и азиатскими исследованиями не устанавливалось более трёх десятилетий.

Однако в начале 1980-х гг. японские социологи стали обращать внимание на Азию (табл. 3¹²). Бурное экономическое развитие азиатских стран стимулировало академический интерес японской социологии, следовавшей презумпции отставания неразвитой Азии от передовой Японии. Вышло в свет немало социологических монографий, авторами которых выступали отнюдь не профессиональные японские социологи, но специалисты по азиатским странам. Подъём Китая в конце 1990-х гг. ускорил конвергенцию социологии и азиатских исследований. Множество иностранных студентов, изучавших социологию в японских университетах, занялись социологическими исследованиями у себя на родине. Широкое распространение браков между гражданами Японии и других азиатских стран стимулировало развитие социологии семьи. Развитие японских инвестиций в зарубежные страны стимулировало изучение ценностей и поведения в азиатских обществах. Большое количество выходцев из азиатских стран поселилось в Японии, что заставило японскую социологию города обратиться к проблематике мультикультурализма.

Таблица 3

Социологические монографии, посвященные Азии, опубликованные в Японии в 1985–1992 гг.

Автор	Год опубликования	Объект изучения	Название монографии
Хироси Исида (Ishida)	1985	Тайвань	Социально-экономическая структура села тайваньских ханьцев
Сёго Кояно (Koyano)	1987	Таиланд, Индонезия	Исследование урбанизации в Юго-Восточной Азии
Ацуси Китахара (Kitahara)	1987	Таиланд	Структура и изменение тайского села
Коити Ниitsu (Niitsu)	1989	Таиланд, Индонезия, Филиппины, Турция	Трущобы в современной Азии
Масуо Кутива (Kuchiwa)	1990	Таиланд	Традиционная структура и её изменение в селе Дон Дэнь
Синаи Игикава (Ichikawa)	1991	Таиланд, Индонезия, Филиппины и др.	Анализ современной динамики китайцев в зарубежных странах Азии
Хироси Исида (Ishida)	1991	Китай	История и экономика китайского села
Хироаки Кани (Kani)	1991	Гонконг	Исследование Гонконга и его проблем
Мамору Сасаки (Sasaki)	1992	Китай	Общество и фольклорная культура современного Китая

Начиная с 1980-х гг. в Японии возникло несколько ассоциаций, занимающихся азиатскими исследованиями: в 1982 г. – Японо-китайское социологическое общество, в 1997 г. – Ассоциация изучения социального обеспечения в Азии, в 2006 г. – Сеть исследований социальной политики в восточной Азии. Они активно работают наряду с такими всеазиатскими организациями, как Ассоциация азиатской социологии села, образованная в 1992 г., Азиатская ассоциация социальной психологии (1995), Азиатско-тихоокеанская социологическая ассоциация (1996), Конференция социологов восточной Азии (2003), Азиатская ассоциация социальных исследований (2010). Ряды крупнейшей в Японии организации социологов – Японской социологической ассоциации – активно пополняются иностранными членами из стран Азии, растёт количество ее заседаний, посвящённых азиатским проблемам. Иными словами, в новом тысячелетии Азия превратилась для японских социологов в «значимого другого».

Однако, несмотря на конвергирующие тенденции между азиатскими исследованиями и социологией, отмечающиеся на протяжении последних лет, японские учебные пособия по социологии по-прежнему знакомят с западными классиками и современниками, по необходимости прибавляя к ним некоторых японских социологов, тем самым выдавая старомодный образ японского социологического мышления, который необходимо преодолевать.

Прежде всего, следует продвинуть локализацию социологии на шаг вперёд и создать такие новые теоретические конструкции, которые позволят лучше и полнее понимать японское общество. До тех пор, пока будет продолжаться оперирование конструктами, заимствованными из западной социологии без каких-либо изменений, в социологических учебниках азиатской социологии

не прибавит. Прорыв в японских социологических исследованиях возможен благодаря формулированию локализованных теоретических концепций. При этом избыток локализованных теоретических концепций, не связанных с остальным миром, низведёт интеллектуальные усилия на уровень региональных исследований. Спасение из этой «волчьей ямы» лежит на стратегическом пути компаративного социологического анализа азиатских обществ. В этой связи перед азиатскими социологами встанет задача создания платформы для социологических исследований и выработки социологических оснований, стимулирующих социологическое воображение. Известно, что Э. Дюркгейм открыл интегрирующую функцию религии, сравнивая католиков и протестантов в Европе, а М. Вебер стремился отыскать социологические смыслы социальной жизни, сравнивая мировые религии.

Длительная дискуссия в азиатском социологическом сообществе опирается на общий архив данных, включающий исследование ценностей в Восточной Азии (2002–2005), «Азиатский барометр» (2003–2008), восточно-азиатский социальный опрос (начат в 2003 г. и продолжается по настоящее время), азиатско-тихоокеанское исследование ценностей (2005–2008), который закладывает фундамент для дальнейшего развития азиатской социологии с её самобытными концептуальными и теоретическими разработками.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что поколение сорокалетних и пятидесятилетних азиатских социологов испытали на себе существенное влияние со стороны США и смотрят на восточные общества через западные очки (в частности, дихотомия индивидуализм/коллективизм – типичный пример), а для подготовки нового поколения азиатских социологов требуется новая идейно-теоретическая платформа. Сравнение азиатских обществ с

Западом продолжает оставаться важным психологическим ограничением для азиатских социологов, однако уже начинают предприниматься серьёзные интеллектуальные усилия для преодоления этого ограничения. Например, сравнение Малайзии и Китая в аспекте восприятия кумовства¹³ могло бы положить начало движению в этом направлении.

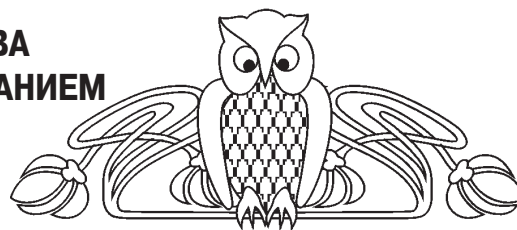
Примечания

- 1 См.: *Shinmei M.* Shakaigakushi Gaisetsu (Обзор истории социологии). Tokyo : Iwanami Shoten, 2007.
- 2 См.: *Kawai T.* Gendai Shakaigaku no Hatten (Развитие современной японской социологии). Tokyo : Koseisha-koseikaku, 2003 ; *Tominaga K.* Sengo Nihon no Shakaigaku (Социология в послевоенной Японии). Tokyo : University of Tokyo Press, 2004.
- 3 См.: *Kawamura N.* Nihon Shakaigakushi no Kenkyu (Исследование по истории японской социологии). Tokyo : Ningen-no-kagakusha, 1975. P. 28.
- 4 *Sonoda S.* Firudo to shiteno Ajia (Азия как поле) // *Ajia kara Kangaeru* (Размышления из Азии) / ed. by Hamashita T. et. al. Tokyo : University of Tokyo Press, 1993. P. 18.
- 5 *Suzuki E.* Suzuki Eitaro Chosakushu (Собрание сочинений Э. Судзуки). Tokyo : Miraisha, 1973. P. 89.

- 6 *Sonoda S.* Firudo to shiteno Ajia. P. 21.
- 7 *Takahashi A.* Fukutake Sensei no Noson Kenkyu niokeru Nihon to Chugoku (Япония и Китай в исследовании профессором Т. Фукутакэ сельского общества) // *Nicchu Shakaigakkai Kaiho* (Ежегодный бюллетень Японо-китайской социологической ассоциации), 1990. № 4. P. 49.
- 8 См.: *Fukutake T.* Fukutake Tadashi Chosakushu Bekkan : Shakaigaku 40 Nen (Собрание сочинений Тадаши Фукутакэ : К сорокалетию научной деятельности в социологии). Tokyo : University of Tokyo Press, 1976.
- 9 См.: *Lee M.* Kankoku no Shakaigaku (Социология в Кореи) // *Shakaigaku Hyoron* (Японское социологическое обозрение). 1962. № 2, iss. 13. P. 93–94.
- 10 *Kobayashi K.* Kasan Kinbun Sozoku no Bunka to Chugoku Noson Shakai (Культура равного разделения собственности и китайское сельское общество) // *Mamoru Chugoku no Ie, Mura, Kamigami* (Семья, село и божеества в Китае) / ed. by Lu Yao and Sasaki. Tokyo : Toho-shoten, 1990. P. 57.
- 11 См.: *Tominaga K.* Op. cit. P. 1–5.
- 12 *Sonoda S.* Firudo to shiteno Ajia. P. 24.
- 13 См.: *Sonoda S.* Chugoku kenkyu kara Nikaku kenkyu-e (От исследования Китая к компаративному исследованию) // *AsiaBarometer Project Series*. 2006. № 4. P. 14–18.

УДК 316. 334.2

ДИНАМИКА УРОВНЯ ЖИЗНИ И НЕРАВЕНСТВА В ГОРОДЕ И СЕЛЕ: ОЦЕНКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДАННЫХ БЮДЖЕТНЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ

В. Л. Шабанов

Институт аграрных проблем РАН, Саратов
E-mail: vic35@inbox.ru

В статье представлены оценки уровня жизни и неравенства на основе статистического анализа динамики плотностей распределения городских и сельских домашних хозяйств РФ по показателю среднедушевого денежного дохода и по показателю его соотношения с величиной прожиточного минимума.

Ключевые слова: домохозяйство, уровень жизни, неравенство, доход, прожиточный минимум, плотность распределения.

Dynamics of the Living Standard and Inequality in Urban and Rural Areas: Assessments with the Use of the Data from Household Budget Surveys

V. L. Shabanov

The paper presents assessments of the living standard and inequality on the basis of a statistical analysis of the dynamics of the densities of distribution of urban and rural households of the Russian Federation according to the average per capita money income and its relationship with the subsistence minimum.

Key words: household, living standard, inequality, income, subsistence minimum, density of distribution.

Уровень жизни — довольно сложная для определения категория. В советской науке чаще

употреблялся термин «благосостояние», которое определялось через потребности людей и способы их удовлетворения «в сфере труда, потребления, культуры, репродуктивного поведения, общественно-политической жизни»¹. В современной российской науке для характеристики благосостояния чаще употребляется нейтральный термин «уровень жизни», определение которого в качестве «меры удовлетворения основных жизненных потребностей»² предполагает операционализацию и математическую формализацию, позволяющую провести обоснованное количественное измерение.

Категория уровня жизни носит не только измерительный, но и сопоставительный характер. Для лучшего понимания и возможности оценки уровня жизни в терминах «низкий»—«высокий» необходимо проводить сравнение значений выбранных для его характеристики индикаторов во временном или пространственном аспектах, например, в разные периоды времени, между регионами, между различными группами населения.

Один из наиболее разработанных подходов к оценкам уровня жизни основан на анализе по-